

ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ДЕФЕКТОЛОГИИ

УДК 376.1-056.36(091)"18/19"

Тимофеев Михаил Анатольевич,
SPIN-код: 3102-2797

кандидат исторических наук, руководитель Центра содействия развитию научных исследований в специальном образовании им. В. П. Кашенко, Институт коррекционной педагогики, Российская Федерация, г. Москва, timofeev@ikp.email

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОЛИГОФРЕНОПЕДАГОГИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ II СЪЕЗДА РУССКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ (1895–1896 ГГ.))

Аннотация. На основании анализа опубликованных материалов II Съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию (1895–1896 гг.) представлена систематизированная реконструкция тем, вопросов и путей их решения, связанных с общественными инициативами по созданию системы специализированных учреждений для умственно отсталых детей, необходимости их научного (медицинского и педагогического) изучения, разработки педагогических техник, индивидуального подхода к обучению и воспитанию учащихся этой категории. Отдельное внимание уделено вопросам подготовки специальных педагогов, сбора статистических сведений и выяснения основных форм помощи слабоумным детям. Также проанализированы основные точки интереса врачей и педагогов в отношении опыта зарубежных коллег, достижения и методики которых в последующие 20 лет будут учтены при создании призренческих и образовательных учреждений для умственно отсталых детей в России, а также при разработке оригинальных методов их воспитания-обучения.

Ключевые слова: история олигофренопедагогики; олигофренопедагогика; умственно отсталые дети; специальное образование; индивидуальный подход в обучении; педагогические техники; подготовка специальных педагогов; призренческие и образовательные учреждения; медико-педагогическое изучение

Timofeev Mikhail Anatolyevich,

Candidate of History, Director of the V. P. Kashchenko Center for Assistance to the Development of Scientific Research in Special Education, Institute of Special Education, Russia Federation, Moscow

**ABOUT THE ORIGINS OF RUSSIAN EDUCATION
OF THE MENTALLY RETARDED CHILDREN
(BASED ON THE MATERIALS OF THE 2ND CONGRESS OF RUSSIAN
FIGURES ON TECHNICAL AND VOCATIONAL EDUCATION (1895–1896))**

Abstract. Based on the analysis of the published materials of the 2nd Congress of Russian Figures on Technical and Vocational Education (1895–1896), a systematic reconstruction of topics, issues and ways to solve them related to public initiatives to create institutions for mentally retarded children, issues of their scientific (medical and pedagogical) study, the development of pedagogical techniques, and an individual approach to training for this category. Special attention is paid to the interpretation of issues of the training of special educators, the collection of statistical information and the clarification of the main forms of assistance to mentally retarded children. The main points of interest of doctors and teachers in relation to the experience of foreign colleagues, whose achievements and methods will be taken into account in the next 20 years when creating nursing and educational institutions for mentally retarded children in Russia, are also analyzed.

Keywords: history of oligophrenopedagogy; oligophrenopedagogy; mentally retarded children; special education; individual approach to teaching; pedagogical techniques; training of special educators; prison and educational institutions; medical-pedagogical study

Введение. II Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию неоднократно служил предметом рассмотрения в плане источника по истории становления профессионального образования в России, изучения общественной активности, политики в области просвещения в конце XIX – начале XX вв. и т. д.

Однако целью настоящей работы является рассмотрение только одного, но важного сегмента в области образования и школы – точнее, части целого направления, которое впервые в истории страны получило доступ к широкой общественной трибуне с дальнейшей возможностью формулирования предложений для корректировки / определения государственной политики.

Речь идет о специальном образовании и его основных «отделах» на тот момент – работе с незрячими, глухонемыми и умственно-отсталыми. Непосредственной же целью

предлагаемой статьи будет освещение проблем отдела по работе с умственно отсталыми в рамках специализированной XII секции съезда в контексте развития медицинских, педагогических знаний и общественной активности в области образования в данный период.

Среди задач – систематизированное сжатое изложение основных положений докладов, показ существующих проблем и предлагаемых способов их решения, а также основных перспективных направлений развития в области олигофренопедагогики на пути к созданию собственной, оригинальной педагогической системы воспитания-обучения-социализации умственно отсталых (далее – УО) детей, формирование основ которой в нашей стране будет продолжаться еще несколько десятилетий.

Проблема исследования начального периода истории отечественной олигофренопедагогики (мы не берем более ранние в хронологическом от-

ношении материалы середины столетия) заключается в том, что труды профильного отдела XII секции II Съезда изучались до сего момента крайне лаконично и в самом общем плане.

Безусловно, такое заметное и рубежное для специальной педагогики, в том числе и для олигофренопедагогики, событие ранее являлось предметом рассмотрения в статьях и общих трудах по истории специального образования в связи с реконструкцией процесса его становления. Среди оригинальных трудов необходимо отметить работы В. П. Кащенко, Ф. М. Новика, Д. И. Азбукина, А. Г. Басовой, Х. С. Замского [Азбукин, 1947; 1939; Басова, 1940; 1984; Замский, 1995; Кащенко, 1912; Новик, 1939].

Особенно в этом ряду выделяется предисловие Ф. М. Новика к соответствующему разделу его хрестоматии по истории олигофренопедагогики, увидевшей свет весной 1941 г. [Хрестоматия, 1941, с. 200–201]. Если отставить в сторону некоторые дежурные идеологические штампы и определения, свойственные идеологии тех лет и используемые в т. ч. в научных работах при сравнении современности с прошлым, то, наряду с более поздними трудами Х. С. Замского, это, пожалуй, самый профессиональный историко-критический анализ данного сюжета.

Упоминания же о съезде в работах последних 30 лет, затрагивающих проблемы истории олигофренопедагогики, не носят самостоятельного характера, являясь, как правило, простым копированием или пересказом текста Х. С. Замского (порой даже

без ссылки на источник заимствования).

При этом необходимо отметить, что некоторые существующие определения деятельности всей секции, в т. ч. отдела по работе с умственно отсталыми детьми, носят небесспорный характер.

Так, иногда работу XII секции называют первым съездом русских дефектологов [Замский, 1995, с. 226; Лапп, 2006, с. 164; Малофеев, 2010, с. 274; Мозговой, 2006, с. 12], однако его использование в данной ситуации, на наш взгляд, некорректно даже при наличии оговорки «по существу/по сути». Во-первых, профессиональный статус представителей ни одной из групп участников – врачей, общественных деятелей и даже педагогов специального образования – в полной мере не соответствовал, в силу их образования, опыта, сферы работы самому понятию «дефектолог». Во-вторых, образование, опыт работы и видение проблем были у них (пока) очень локальны и специализированы, что было обусловлено накопленной у них практикой и отсутствием в стране системы специального образования, которая бы определяла формат и суть течения развития этого педагогического направления. Это была ситуация, когда каждый делился сугубо своим опытом и знаниями. И, в-третьих, сам термин «дефектолог» как обозначение некоего симбиоза педагога, врача и психолога – появится гораздо позже, окончательно закрепившись в педагогической практике уже после 1917 года. Точно так же нельзя назвать Первым конгрессом дефекто-

логов, как это делают порой в специальной литературе [Усенкова, 2024, с. 8], Съезд русского союза психиатров и невропатологов 1911 года.

На наш взгляд, работа XII секции может с полным основанием носить название «Первого съезда русских деятелей по образованию слепых, глухонемых и умственно-отсталых детей», как его назвал в 1940 году историк олигофренопедагогики Ф. М. Новик [Хрестоматия, 1941, с. 200]; его цитату приводит впоследствии и Д. И. Азбукин [1947, с. 87]. Или, следуя второму предложенному им варианту – «первый дефектологический съезд» [Там же, с. 87]. И это, пожалуй, будут самые точные определения в плане исторической терминологии и отражения сути происходившего.

Материалы и методы. Цель данного исследования – реконструкция материалов и событий II Съезда деятелей по техническому и профессиональному образованию в части образования-воспитания УО детей и характеристика значения съезда в становлении российской олигофренопедагогики.

Источниками данного исследования служат опубликованные тексты трудов II Съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию (1895–1896 гг.), в первую очередь, его XII секции, в рамках которой и велась работа по вопросам призревания и обучения слепых, глухих и умственно отсталых. Учтены также упоминания и характеристики съезда и работы XII секции, в том числе отдела по работе с умственно отсталыми детьми, в отечественной специальной литературе 1910–2010 гг.

В качестве научной основы работы использованы историко-критические подходы, в том числе в отношении привлекаемых источников, а также частные специальные методы – конкретно-исторический, контент-анализ документальных текстовых материалов и специальной литературы.

При описании категорий детей мы сознательно не используем, как правило, категориальную терминологию, частично присутствующую в материалах отдела / подсекции, а заменяем ее на общий термин умственно отсталые (УО), поскольку общей классификации на тот момент еще не существовало, а сами тексты докладов в ряде своих элементов носят амбивалентный характер. Курсив в тексте – за исключением оговоренных случаев – наш.

Результаты исследования. Еще за 15 лет до съезда, в 1880 году один из основоположников отечественной психиатрии И. П. Мержеевский в предисловии к переводу книги английского психиатра У. Айрленда «Идиотизм и тупоумие» сетовал на отсутствие в России специальной статистики, заведений для умственно отсталых (и, как результат, малое количество качественных научных исследований) [Айрленд, 1880, с. 2].

К началу 1890-х годов в профессиональном медико-педагогическом сообществе назрело не только понимание проблемы, но и определились первые подходы к путям ее решения, требовавшие, в том числе, реформы и отношения к УО людям со стороны государства и общества, и коренного изменения в системе образования

(создание специальных учебных заведений и классов) и подготовки педагогических кадров (подробнее об этом см.: [Замский, 1995, с. 218–226]).

Подготовка и открытие Съезда

Сама инициатива по периодическому проведению съездов, участники которого должны были обсуждать широкий спектр вопросов подготовки кадров с учетом быстро менявшихся экономических и социальных реалий, возникла в конце 1880-х гг. и была озвучена на I Съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в декабре 1889 г. После долгого обдумывания – среди сдерживающих факторов была и неготовность общества (!) к обсуждению вопросов профессионального образования – II Съезд было решено проводить в конце 1895 г. [II Съезд русских деятелей, 1898, с. 2]. Будучи явлением новым, подобное мероприятие «формировалось» по мере подготовки. В первоначальном плане значились 6 секций, но в конечном итоге их число увеличилось до 14.

Однако уже на стадии подготовки Съезда его организаторы вышли за рамки задуманного, поскольку в его работе был сформирован и выделен целый ряд дополнительных секций. Для истории специальной педагогики важно 5-е заседание оргкомитета от 19 ноября 1894 г. – именно в этот день было принято, рассмотрено и одобрено «заявление нескольких лиц о желании организовать секции обучения слепых, глухонемых и ненормальных детей» [II Съезд русских деятелей, 1898, с. 4]. В итоге была организована отдельная профильная секция под номером XII, участники которой рассматривали и обсуждали

вопросы общего и профессионального образования слепых, глухих и умственно-отсталых детей.

Первоначально она должна была рассматривать только вопросы, связанные со слепыми детьми. Это было объяснимо, потому что инициаторами заявления о создании секции были лица, работавшие с ними в Москве – А. А. Адлер, Г. Г. Дикгоф, М. П. Постовская, М. В. Духовской и др. [II Съезд русских деятелей, 1898, с. 1]. Председателем секции была назначена А. А. Адлер.

Подобно организаторам других секций, инициаторы проведения XII секции начали активную организационную работу. Были определены темы докладов (рефератов), подготовлены для дальнейшей рассылки опросные листы по разным учреждениям, в том числе школам, мастерским, фабрикам, земским учреждениям и пр. [II Съезд русских деятелей, 1898, с. 2]. Всего в предварительных заседаниях секции приняло участие 32 человека – врачей, преподавателей университетов, педагогов специальных учебных заведений, инженеров.

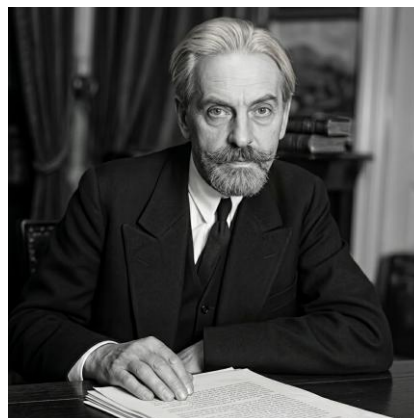

Рис. 1. В. П. Кащенко

Одновременно с работой по вопросу о слепых возникла мысль орга-

низовать две дополнительных под-секции – образованию глухонемых и «ненормальных детей» [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. IV]. Непосредственным инициатором создания подсекции по умственно отсталым детям можно почти наверняка назвать М. П. Лебедеву, которая, по словам А. А. Адлера, и подняла этот вопрос [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898; О задачах XII секции, с. 8; Отдел IV, с. 29]; см. также [Замский, 1995, с. 226]. Работа Отдела призрения и обучения ненормальных детей (такое официальное название получила подсекция; дальше для упрощения чтения мы будем периодически использовать термин «умственно отсталые», УО) началась в конце февраля 1895 г. Характерно, что основу привлеченных составили врачи и невропатологи: С. С. Корсаков, В. П. Сербский, Я. А. Боткин, В. И. Яковенко и другие [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 5]. В. П. Кащенко ошибочно указывает в качестве председателя секции невропатолога А. Я. Кожевникова [Кащенко, 1912, с. 258]), но достоверно известно, что тематику вопросов к обсуждению составляли С. С. Корсаков и М. П. Лебедева, а в ноябре произошло и назначение реального руководителя этого направления – Г. И. Россолимо, занявшего пост товарища (заместителя) председателя (формально им оставалась А. А. Адлер).

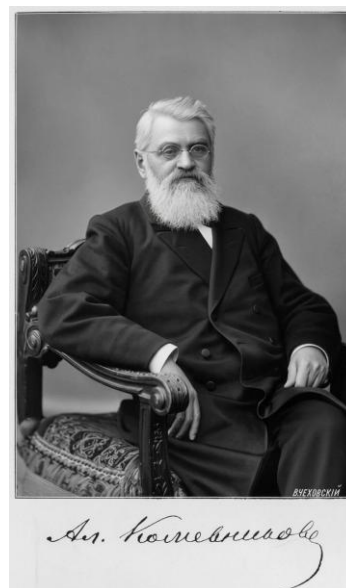

Рис. 2. А. Я. Кожевников

Отдел образования УО также принял, хоть и скромное (2 блока экспонатов), участие в специально организованной к съезду выставке. В целом на ней были представлены учебные пособия, а также работы УО воспитанников. Пояснения по ним и вообще по планируемой работе отдела посетителям давала Л. И. Комарова [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 5], член Московского благотворительного совета, которая впоследствии, в 1902 году, выступит в Москве с инициативой об открытии школ или классов для малоуспешных учеников [Замский, 1995, с. 270].

Всего же на подготовительном этапе организаторы XXI секции провели 12 общих и 2 частных заседания, не считая многочисленных совещаний [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 6]. Следует отметить, что подготовительная работа отдела УО детей шла не без трудностей. Так, в отличие от отделов по работе со слепыми и глухонемыми организаторам не удалось получить ответы на разосланные по 64 адресам вопросы

и анкеты – ответило лишь одно учреждение И. В. Мержеевского [Там же, с. 22]. Хотя, надо отметить, сами опросные листы представляли отдельный и крайне важный, с учетом исторических обстоятельств появления, интерес.

Так, вопросы охватывали источники финансирования заведения, состав учащихся и время приема, охват дошкольников и детей школьного возраста, особенности программы обучения, роль и место трудового воспитания, возможность детей работать самостоятельно после выпуска, состав педагогических работников – пол, образование, вопросы взаимодействия врачей и учителей и т. д. [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 14–15]. Пытаясь собрать статистику, организаторы в опросных листах заведующим психиатрическим больницами и детскими приютами, задали вопросы о количестве (в том числе в разрезе по годам за последние пять лет) в их заведениях «детей тупоумных, идиотов и ненормальных в нравственном отношении», существует ли трудовое и иное воспитание этих категорий и в каком положении находится обучение их ремеслам и ручному труду [Там же, с. 15]. Однако, как мы видим, в получении обратной связи отдел не преуспел – в отличие от отделов слепых и глухонемых.

Непосредственно же работа съезда (и XII секции с отделами) началась 28 декабря 1895 года и завершилась 5 января 1896 года. За это время XII секция провела всего 10 заседаний, из них 3 по образованию УО детей – 31 декабря, 4 и 5 января.

Всего на заседаниях отдела (так в

итоге стали называть подсекции) призрения и обучения ненормальных детей должно было прозвучать 10 докладов (по терминологии организаторов – рефератов). Они и были заслушаны полностью (часть зачитаны) и опубликованы в Трудах съезда.

Перед началом работы секции, 29 декабря 1895 года, к ее участникам обратилась с речью А. А. Адлер. Она квалифицировала съезд не только как площадку для выставления достижений, но как возможность обсудить проблемы и найти пути их решения. Она сделала особый акцент на важности и необходимости *совместной* работы врачей и педагогов, людей, проводящих научно-теоретические исследования, и «лиц, принимающих участие в воспитании и образовании тех или других ненормальных детей» [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898; О задачах XII секции, с. 2]. Среди других основных тезисов – сплочение и взаимодействие всех, кто работает в области специального образования или связан с ним, знакомство общественности с целями и состоянием дел в этой сфере, *творческий* учет достижений педагогов Запада применительно к российской действительности [Там же, с. 2–3].

Рис. 3. А. А. Адлер

Работу с психически ненормальными и отсталыми детьми она назвала «совершенно новым и мало еще разработанным у нас вопросом» [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 8]. Показательно, что, обосновывая необходимость воспитания УО детей, она, по сути, транслирует положение, которого придерживались западноевропейские педагоги и который вплоть до начала 1910-х годов будет константой всех выступлений русских дефектологов на общественных мероприятиях и в прессе. Это тезис о том, что воспитание УО детей позволит в перспективе снять нагрузку с семьи и общества, причем не только экономическую, но и социальную, способствуя снижению уровня преступности и пр.

Важным моментом в речи А. А. Адлер стал акцент на *моральной* стороне вопрос создания системы образования для ненормальных детей, которая, убеждена она, делает их менее несовершеннолетними и менее несчастными. Для общего решения вопроса необходимо, как минимум, увеличить число таких школ, разработать научно-подготовленные образовательные программы и программы трудового обучения, а также разграничить функционал самих педагогических работников, отделив административную деятельность от благотворительной [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 9].

Первоначально программа работы подсекции предусматривала обсуждение преимущественно проблем профессионального и технического обучения слабоумных. Они явно шли в русле общих задач съезда и были не

в полной мере ориентированы на реальную ситуацию.

Организационный комитет подсекции предложил обсудить следующие вопросы:

1. Существует ли потребность в специальных учебно-воспитательных заведениях для профессионального и технического обучения детей, отсталых в умственном и нравственном развитии?

2. К каким выводам можно прийти на основании отчетов иностранных заведений такого рода? Какие типы заведений существуют? Их размеры, количество воспитывающихся в них детей, результаты деятельности этих учреждений.

3. Существует ли необходимость выработать новый тип учебно-воспитательных заведений для профессионального и технического образования отсталых в умственном и нравственном отношении применительно к условиям русской жизни? Положение таких детей в семье и вне ее.

4. Организация учебно-воспитательных заведений для профессионального и технического обучения детей отсталых в умственном и нравственном развитии. Размеры этих заведений. Роль ремесла и ручного труда. Роль педагога и врача в таких заведениях.

5. Значение возраста отсталого ребенка для успешности его воспитания путем профессионального и технического обучения.

6. Существует ли необходимость специальной подготовки педагогов для такого рода заведений и какие способы могут быть для этого предложены?

7. Представляется ли выгодным и

полезным воспитание умственно отсталых в профессиональных и технических школах?

8. Достаточно ли сделано в России в отношении устройства профессиональных и технических воспитательных заведений для отсталых детей? Какие заведения этого рода существуют в России? Размеры их деятельности.

9. В каком взаимном отношении должны находиться учебно-воспитательные заведения для профессионального и технического обучения малоспособных детей к приютам для идиотов?

10. Если окажется, что потребность в учреждениях такого рода в России существует, то какие могут быть предложены меры для ее удовлетворения?

11. Ручной труд как одно из средств в борьбе с детскими ненормальностями [Цит. по: Замский, 1995, с. 227–228].

Но к началу практической работы отдела планы претерпели серьезные изменения.

Общие вопросы воспитания и обучения УО и слабоодаренных детей

Общие направления работы отдела призрения и обучения психически отсталых детей были обозначены в установочном докладе Г. И. Россоломо [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 1–7].

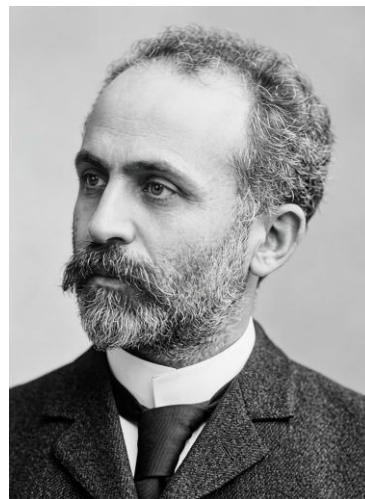

Рис. 4. Г. И. Россоломо

Отметив, что впервые перед профессиональным сообществом врачей и педагогов встала задача совместно обсудить «врачебно-воспитательные вопросы», он отметил важность отхода от педагогических стереотипов и значимость индивидуального подхода к обучению, базирующегося на знании психофизиологических особенностей ребенка «и неравномерность психического состава подлежащих воспитанию детей» [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 2–3].

Г. И. Россоломо делит таких детей на 5 категорий: первая – одаренные, с легкостью усваивающие любые знания без каких-либо личных склонностей к одному предмету; вторая – дети, делающие то же, но уже под влиянием внешних стимулов и с большей затратой собственных сил; третья – обладающими нарушениями нервной системы и смещением способностей в какую-то одну сторону; четвертая – дети со «значительным упадком умственных способностей» и пятая – полное или почти полное отсутствие умственных способностей, сопровождаемое нередко болезнями, травмами нарушениями развития мозга [Высочайше разрешенный

II Съезд, 1898, с. 3].

Показательно, что Россолимо четко разграничивает функционал врача и педагога при работе с тремя последними категориями детей. Обязанности врача – определение психической индивидуальности, выяснение условий, в которых действует организм, выяснение условий для правильного воспитания ребенка, выделение особенностей нервной системы, которые можно использовать при работе с ребенком, и тех, которые «не допускают культуры», устранение медицинскими методами недостатков нервной системы, где это возможно. Остальное дело педагога, но работать они должны совместно.

Отсюда Г. И. Россолимо формулирует главные задачи отдела:

- выяснение условий призревания и обучения УО детей;
- выработку врачебно-воспитательных приемов для работы с УО детьми;
- выяснение положения УО детей для выработки индивидуальных программ обучения;
- обсуждение вопросов сопровождения УО детей [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 4].

Он также указал на существующие основные трудности, не позволяющие (и не позволявшие ранее) наладить работу по образованию и воспитанию УО детей. Это отсутствие статистических данных по полным идиотам, отсталым и слабоумным; отсутствие контакта и взаимодействия с лечебными учреждениями и приютами (которые либо просто не отвечали, либо писали, «что идиотов у себя не держат» [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 5].

Сюда же он относил отсутствие данных по количеству заведений, ведущих работу с УО детьми (кроме заведений Т. Платца и четы Маляревских), выражая, правда, при этом надежду на творческое переосмысление имеющегося опыта Западной Европы (чем и объясняется наличие нескольких докладов по зарубежному опыту на заседаниях отдела).

Особое внимание Россолимо уделил вопросу обучения детей, которые не могут обучаться по стереотипной программе школы. К сожалению, и здесь попытка получить от образовательных учреждений данные по специально подготовленному и разосланному опроснику результатов не принесли, однако первый отклик в виде докладов, которые прозвучат на заседаниях, все-таки был получен.

И в заключение он предложил 4 направления обсуждения для участников и гостей заседания отдела:

- обязано ли общество заботиться о призрании им воспитании психически недоразвитых детей?
- можно ли считать эту задачу своевременной, если еще не разрешен вопрос о всеобщем народном образовании и все психически больные не получают надлежащей помощи?
- нужно ли таким детям только медицинское сопровождение или обучение-воспитание также?
- и если «да», то какова оптимальная форма призрание и обучения в городе и деревне? [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 6–7].

Дальнейший обмен мнениями по этому, пожалуй, центральному блоку вопросов открыли доклады И. Д. Городецкого, Ю. И. Глики и Л. И. Комаровой. Сюда же с полным правом

можно отнести сообщения Иринарха Полихрониевича Скворцова и Владимира Карловича Рота.

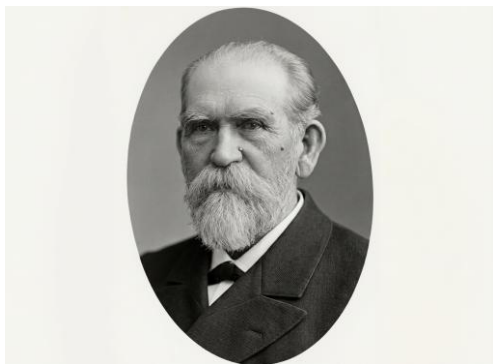

Рис. 5. В. К. Рот

Выступление филолога и преподавателя педагогических курсов в Москве И. Д. Городецкого, стояло первым в работе отдела, судя по всему, не случайно. Возможно, для организаторов было важным начать обсуждение именно с сообщения педагога, который мог бы выделить узловые моменты и обозначить ключевые направления дальнейшей работы именно в плане воспитания-обучения, а не сугубой медицины (помимо программного обращения А. А. Адлер и Г. И. Россолимо). Тема его доклада звучала как «Вспомогательные школы (к вопросу об организации воспитания и обучения слабоодаренных)» [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 35–45].

Вспомнив завет Яна Амоса Коменского «учить согласно человеческой природе», Городецкий формулирует первый ключевой тезис о том, что обучение ненормальных детей не может быть таким, как обучение детей здоровых.

Второй его тезис связан с вопросом возможности и перспектив образования идиотов и слабоумных. Оно возможно, уверен Городецкий, только

во втором случае [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 37–39].

Далее – и в этом заключается один из основных элементов доклада – Городецкий формулирует условия «обучения детей, уклоняющихся от нормы». Это: основательное и всестороннее знакомство с ребенком; воспитание и обучение применительно к *индивидуальности* каждого ребенка; невысокий уровень образовательных целей; медленный темп прохождения курса.

Затем И. Д. Городецкий предлагает формулировки основных требований к школам для слабоодаренных. По его мнению, оптимальным вариантом будет устройство классов для слабоодаренных со специальным гигиеническим режимом. Он также выступает за создание отдельных классов для УО детей с периодическим освидетельствованием и перспективой перевода в нормальную школу [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 44].

Ю. И. Глики, основавшая в 1889 году в Москве частную больницу для нервно больных с приютом при ней для хронических душевнобольных и, как она сама заявила в начале своего выступления, «не занимавшаяся специально ни воспитанием, ни обучением», свое сообщение посвятила вопросу исключения учащихся с аномалиями из учебных заведений [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 58–70]. Оно представляет собой сочетание общих наблюдений, проиллюстрированных случаями из личной практики.

В частности, Глики, отмечая поводы к исключению (неуспевае-

мость, «дурное влияние на товарищей» и несоответствие поведения правилам заведения), подчеркивает, что, как правило, при этом ни педагогическая общественность, ни родители не понимают и не анализируют *причины* этого. В результате ребенок вынужден обратиться к врачу. И тот устанавливает, что при наличии удовлетворительных умственных способностей ребенок не может «стандартно» учиться в силу черт характера, особенностей нервной системы и/или ее органических поражений.

Ю. И. Глики оправданно отмечает, что ситуацию усугубляет отсутствие специальной литературы по педагогике ненормальных детей, причем рассчитанной как на педагогов, так и на родителей [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 60–61]. Создание и наличие такой литературы самого разного содержания и уровня подачи материала (в том числе и в виде популярных просветительских брошюр для широкого читателя), просвещение по вопросам работы с УО детьми является, по ее мнению, также важнейшей задачей – наряду с созданием специальных образовательных учреждений. Она предлагает создать специализированное периодическое издание, а также что-то наподобие профильной библиотеки, которые бы, в содружестве с врачами, популяризировали необходимый круг теоретических и практических знаний в области педагогики, психологии и воспитании таких детей.

Сообщение профессора Харьковского университета, виднейшего русского гигиениста И. П. Сковцова называлось «О воспитании и обучении ненормальных детей вообще»

[Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 71–76] интересно по целому ряду причин. Во-первых, он открыто указал на *возрастающую актуальность* проблемы воспитания УО детей в связи *увеличением* их количества, обусловленного социально-медицинскими факторами. Во-вторых, он предлагает свою градацию «ненормальных» детей (типичные идиоты остаются вне ее): «отсталые в телесном отношении», «умственно недоразвитые» и «отсталые в нравственном отношении» или «нравственные идиоты и слабонравные» по его терминологии [Там же, с. 71–74]. Напомним, что новые классификации в этой области будут активно появляться на всем протяжении последующего столетия.

Для каждой из этих категорий Сковцов предлагает создать соответствующий им тип учебного заведения, в котором учащиеся проходят обучение по программе, учитывающей их особенности. Речь еще не идет об *индивидуальном* подходе к *каждому* ученику, но Сковцов обращает внимание на перечень предметов учебного плана, объем материала, место расположения заведения и многие другие факторы. Для всех категорий, особенно для последней, он уделяет большое внимание вопросам нравственного воспитания, положительной социальной ориентации.

Невропатолог и меценат, инициатор создания общественных санаториев для нервных больных, профессор Московского университета В. К. Рот представил доклад на тему «Желательная и возможная у нас организация призрения идиотов и эпилептиков» [Высочайше разрешенный

II Съезд, 1898, с. 76–80]. Очевидно, что оно было ориентировано только на Москву и предполагало рассмотрение общей проблемы и ее решение в условиях конкретного города с учетом ситуации жизни УО детей именно в городской среде, а не в сельской местности.

В опубликованных в трудах Съезда 13 пунктах его доклада дан краткий анализ ситуации, представлен ряд общих организационных мер, в том числе предполагаемые объемы финансирования. Отметив, что в Москве нет ни одного заведения, занимающегося призреванием-воспитанием УО детей, В. К. Рот отмечает, что наличие слабоумных детей даже в материально благополучных семьях представляет для родителей большую экономическую нагрузку (на содержание, уход, лечение, обучение), домашнее воспитание не решает необходимых задач, в семье возникает напряженность в отношениях здоровые дети-больной ребенок, родители-больной ребенок; УО ребенок может попасть в тяжелую, даже трагическую ситуацию, либо совершить противозаконное деяние.

В. К. Рот предлагает организовать такую *широкую* систему призрения и обучения УО лиц, которая учитывала бы половой, возрастной состав, была ориентирована на раздельное и дифференцированное обучение отдельных категорий УО детей. В основу этой системы, при существующей ситуации, он предлагал положить психиатрические больницы, при которых можно было создать соответствующие отделения. Действующими агентами этой системы он ви-

дел только земство и частную благотворительность [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 79].

Организацию и координацию работ, по его мнению, должно было взять на себя некое специально организованное общество. В его функционал входило «устройство заведений для идиотов и слабоумных, школ для отсталых, патронатов для взрослых, могущих работать, и приютов для нуждающихся только в призрении» [Там же], поиск источников финансирования и подготовка педагогических кадров. В качестве пилотного проекта предлагалось апробировать это на детях возрастной группы 7–14 лет; само учреждение (кстати, небольшое по количеству учащихся) должно находиться за городом не только с учетом более благоприятной экологии, но и возможности организации занятий с/х трудом [Там же, с. 80].

Основной посыл доклада Л. И. Комаровой «К вопросу о воспитании детей, исключенных из учебных заведений» [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 55–57] можно сформулировать следующим образом. Отстающему и малоспособному ребенку, исключенному из обычного учебного заведения, нужен индивидуальный подход в программе обучения, учитывающий его склонности, физическое состояние, а также доброта и спокойствие в отношениях с ним как основа общения. Все это оказывает, по ее убеждению, сильное влияние на процесс обучения – от развития внимания и речи до возможности общения со сверстниками. Отдельно Комарова отмечала необходимость помощи со стороны врачей – в случае выявления явных

физиологических нарушений у ребенка.

Дошкольное воспитание

Вопрос о дошкольном воспитании, в том числе и УО детей, также в столь полном объеме впервые обсуждался специалистами публично. Ему был посвящен второй доклад И. Д. Городецкого «Детский сад (К вопросу о дошкольном воспитании детей ненормальных и детей, поставленных в ненормальные условия) [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 46–54].

Будучи сторонником идей Фрёбеля, Городецкий выступает «за» детский сад в его реформированном виде как место, где проходит воспитание ребенка в возрасте «первого детства». Среди положительных моментов пребывания ребенка в детском саду он отмечает принцип связи воспитания с практической деятельностью, воспитание в ребенке самостоятельности и основ нравственности, симбиоз игры и учения, соответствие методик возрасту ребенка, воспитание нормальных отношений между мальчиками и девочками, помощь семье, являясь в итоге *одним из факторов* воспитания маленьких детей [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 49–52]. Докладчик приводит достаточно много аргументов в пользу детского сада как воспитательного учреждения вообще, поскольку еще в начале 90-х годов идея их создания и необходимости имела большое количество противников среди педагогов и врачей. Именно поэтому он не углубляется в детальный разбор принципов организации специальных детских садов для УО детей, пытаясь *в целом* убедить ауди-

торию в необходимости таких заведений в качестве специального звена всей образовательной системы.

Вопросы статистики

Данная проблематика была также одним из основных пунктов обсуждения хотя бы по той причине, что ранее статистические данные по категориям умственно отсталых в Российской империи системно и в полном объеме никогда не собирались. Забегая вперед, скажем, что тема обязательного, периодического и полного сбора данных, необходимых для разработки системы специальных образовательных учреждений, подготовки программ и педагогических кадров, найдет свое отражение в постановлениях и ходатайствах Отдела призрения и обучения ненормальных детей.

Первый опыт подобного рода на съезде представил один из основоположников социальной психиатрии и организации психиатрической помощи в России Владимир Иванович Яковенко. Очевидно, что тема и материал его выступления – «Статистика эпилептиков, слабоумных (имбецилов) и идиотов в Московской губернии (кроме г. Москвы)» была напрямую связана с его текущей деятельностью и интересами. В 1894 году Яковенко был назначен руководителем строительства земской психиатрической больницы в селе Покровское-Мещерское Подольского уезда Московской губернии, которая станет потом образцовой с точки зрения организации деятельности, а годом раньше, в рамках подготовительной деятельности он, по поручению Московской земской управы, провел первую в России психиатрическую

перепись, которую, в силу поставленной задачи и места своего пребывания, и ограничил территорией Московской губернии.

Рис. 6. В. И. Яковенко

Доклад изобилует статистическими данными, поданными в разрезе географии проживания, возраста, пола, семейного положения, возраста начала заболевания, занятий, социально-психологического положения и др. Но для отдела имела интерес финальная часть доклада, содержащая количественные данные по занятиям, которые были доступны означенным категориям, и вывод-предложение, который сделал В. И. Яковенко. Кратное сокращение количества этих людей возможно, считал он, в случае размещения их в больницах и создания системы правильного воспитания и обучения труду [Высочайше разрешенный II Съезд, 1898, с. 87]. Как врач-психиатр он не мог предложить более развернутый и конкретный план работ в направлении воспитания-обучения УО детей и, тем более, взрослых, но его сообщение безусловно нужно отнести к тому блоку выступлений участников XII секции, которые хотели донести до общества

острейшую необходимость совместных работ в этом направлении.

Окончание в следующем номере.

Список литературы

1. Айрленд, В. Идиотизм и тупоумие / В. Айрленд. – Санкт-Петербург : тип. Г. Е. Благодетель, 1880. – 452 с.
2. Азбукин, Д. И. Роль передовой русской общественности в организации учреждений для умственно-отсталых детей в XIX и в начале XX столетия / Д. И. Азбукин // УЗ МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 49. Дефектологический факультет. Вып. 3. – Москва, 1947. – С. 69–99.
3. Азбукин, Д. И. 20 лет подготовки педагогов-дефектологов / Д. И. Азбукин // Советская педагогика. – 1939. – № 8-9. – С. 185–188.
4. Замский, Х. С. Умственно отсталые дети: история их изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX века. Приложение: Дневник Е. К. Грачевой / Х. С. Замский. – Москва : НПО «Образование», 1995. – 400 с.
5. Кащенко, В. П. Исторический обзор и современное состояние воспитания и обучения дефективных детей в России / В. П. Кащенко // Дефективные дети и школа : сб. ст. И. И. Воскобойникова, В. П. Кащенко, С. Н. Крюкова и А. М. Шуберт / под ред. д-ра В. П. Кащенко. – Москва : К. И. Тихомиров, 1912. – С. 255–276.
6. Назарова, Н. М. Специальная педагогика : в 3 т. Т. 1: История специальной педагогики / Н. М. Назарова, Г. Н. Пенин. – Москва : ИЦ «Академия», 2007. – 352 с.
7. Новик, Ф. М. История воспитания и обучения умственно-отсталых детей / Ф. М. Новик. – Москва : Учпедгиз, 1939. – 164 с.
8. Панина, Н. В. Роль съездов русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в подготовке квалифицированных кадров / Н. В. Панина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 5. – С. 16–22. – EDN SXDXIJ.

9. Хрестоматия по истории олигофренопедагогики / сост. Ф. М. Новик. – Москва : Учпедгиз, 1941.

Список источников

1. Высочайше разрешенный II Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. Труды Комитета Съезда. 1895–1896. Москва : 1895–1898. Секция XII призрения и обучения слепых, глухонемых и ненормальных детей / изд. под. ред. А. А. Адлер. – Москва : Университетская типография, 1898. – 392 с.

2. II Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. 1. Общая часть; 2. Резолюции Съезда; 3. Отчет Экспертной комиссии по выставке при Съезде. – Санкт-Петербург : тип. И. Н. Скороходова, 1898.

3. Басова, А. Г. История сурдопедагогики : учеб. пособие для студентов дефектол. фак. пед. ин-тов / А. Г. Басова, С. Ф. Егоров. – Москва : Просвещение, 1984. – 295 с.

4. Басова, А. Г. История обучения глухонемых / А. Г. Басова ; под ред. проф. Ф. А. Рау. – Москва : Учпедгиз, 1940. – 128 с.

5. Лапп, Е. А. История олигофренопедагогики : учебно-методическое пособие для студентов / Е. А. Лапп. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2006. – 178 с.

6. Малофеев, Н. Н. Специальное образование в меняющемся мире : учеб. пособие для студ. педвузов : в 2 ч. Ч. 1: Россия / Н. Н. Малофеев. – Москва : Просвещение, 2010. – 319 с.

7. Мозговой, В. М. Основы олигофренопедагогики : учеб. пособие для студ. сред. учеб. заведений / В. М. Мозговой. – Москва : Издательский центр «Академия», 2006. – 224 с.

8. Усенкова, Е. В. Экскурс в историю развития отечественной и зарубежной дефектологии : учеб. пособие / Е. В. Усенкова. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2024. – 68 с.